

Моим родителям, Маргерит и Полу

Тому

Без темы

Без образа

Без вкуса

Без предмета

Без красоты

Без послания

Без таланта

Без техники (без почему)

Без идеи

Без намерения

Без искусства

Без чувства

Без черного

Без белого (без и)

*Джон Кейдж, буклет, посвященный
Роберту Раушенбергу (1953)*

Содержание

I. Сведение к минимуму / 11	II. Пустота / 75
III. Тишина / 143	IV. Тени / 203
Благодарности / 275	
Библиография / 277	
Об авторе / 287	

В номере гостиницы Yūmiya Kotachi в Киото,
фотография автора

I. Сведение к минимуму

I-1

В детстве Сонриза Андерсен жила в доме, заваленном всевозможным хламом. Когда девочке было восемь, ее родители развелись и она переехала с матерью в Колорадо-Спрингс. Там-то мать Сонризы и стала постоянно собирать ненужные вещи. Возможно, так на нее повлиял развод, к тому же ее психическое состояние ухудшалось по мере того, как усиливалась зависимость от наркотиков и алкоголя. Дома повсюду лежала одежда, которую их семье выдавали в церквях и благотворительных организациях, — груды тряпья доставали до самого потолка и то и дело рассыпались. Грязные вещи лежали вперемешку с чистыми, многие были неподходящего размера, но мать все равно не отказывалась от них. Часто в гости приходила бабушка. Она редко навещала их с пустыми руками: обычно приволакивала найденную на улице мебель, которая постепенно загромодила всю квартиру. На кухонном столе и на полу возвышались монбланы из кастрюлек и сковородок, такое количество было просто невозможно использовать. Мать тащила домой все, что ей удавалось добыть по дешевке или бесплатно, и этот хлам оставался у них навсегда.

В детстве Сонриза пыталась наводить порядок, раскладывать вещи по местам, но ей просто не хватало сил делать это постоянно. Девочке удавалось контролировать ситуацию

лишь в собственной комнате, а за ее пределами творилось бог знает что. Денег почти никогда не было. Если бы мать Сонризы вела себя разумнее, то покупала бы только самые нужные вещи, но бедность сформировала у нее менталитет жителя осажденной крепости. Свитер, стул, противень — она никогда не была уверена, что, выбросив старье, сможет купить что-то взамен. Мысль об избавлении от старых вещей вызывала у нее ощущение опасности, ей страшно было даже думать об этом.

Сонриза Андерсен очень хотела изменить свою жизнь и понимала, что для этого ей надо уйти из дома. В 17 лет она поступила на службу в Военно-воздушные силы США и перебралась в Нью-Мексико, затем получила еще одну работу, связанную с армией, в Колорадо. Карьера молодой женщины продвигалась: она переехала сначала на Аляску, а потом в Огайо — там Сонриза живет со своим мужем Шейном и служит медицинским работником в авиационной структуре.

Однако ей так и не удалось избавиться от тревоги, связанной с удушающей обстановкой в ее родном доме. Андерсен казалось, что теперь, став взрослой и самостоятельной, она полностью будет контролировать ситуацию, но ненужные вещи все равно каким-то образом пробирались теперь уже в ее собственный дом.

Неожиданно выяснилось, что у них с Шейном две кофеварки, хотя они вполне могли пользоваться одной. Вазочки из ИКЕА и другие бессмысленные безделушки заполняли все свободное пространство. Кухня у них была всего одна, но там каким-то образом собралось десять лопаток для готовки. Также в доме валялись заказанные через интернет гаджеты, горы альбомов с вырезками и фотографиями, сувениры, напоминавшие Сонризе об участии в марафонах. Повинуясь импульсу, она могла заказать с помощью своих кредитных карт доставку пиццы, затем не задумываясь купить новый

телевизор, а потом и смартфон. В начале 2016 года, когда Андерсен было уже 30 лет, отказал двигатель одного из двух семейных внедорожников. Сломанная машина осталась стоять перед домом, а к расходам Сонризы и Шейна прибавились выплаты по кредиту за третий автомобиль. В доме скопилось слишком много вещей, из-за покупки которых росли долги. Андерсен не знала, как остановиться, как не повторять поведение своей матери, от которого она так страдала в детстве, и как не покупать все новые и новые вещи. Тогда она просто не понимала, почему делает это.

На самом деле Сонриза просто хотела получить то, чего была лишена в детстве. Хотела наслаждаться удобствами, которые были доступны ее коллегам и соседям. Она мечтала быть похожей на героев рекламных роликов, живущих в своих безупречных гостиных, оформленных специально для съемок.

«Смотришь на довольных людей, у которых есть дом, автомобиль, стиральная машина с сушкой, и кажется, что именно вещи делают их счастливыми. И тогда ты сама начинаешь все это покупать, считая, что это и есть идеальная жизнь», — призналась она мне. Каждая маленькая покупка приводила к выбросу дофамина в кровь Сонризы, но его действие заканчивалось, как только очередное приобретение доставали из коробки и захламляли им еще один кусок свободного пространства.

Тогда Андерсен сделала то, что обычно делают миллионеры: принялась искать информацию, пытаясь понять, как избавиться от стресса. Google выдал ей ссылки на блоги, посвященные «минимализму» — образу жизни с минимумом вещей, который дает возможность довольствоваться тем, что у тебя уже есть, и вообще знать, что у тебя есть. В блогах писали мужчины и женщины, каждый из которых, как и она, прозрел в результате личного потребительского кризиса. Постоянные покупки не принесли им счастья, вещи

порабощали их. Эти люди хотели сформировать новые отношения с вещами, но в основном выбрасывали большую часть того, чем владели. Пройдя через процесс минимизации и отделившись от всего, чего только можно, блогеры демонстрировали свои опустевшие квартиры: просторные полки на кухне, где стояла стопочка тарелок, или платяные шкафы, в которых свободно размещалось несколько неярких вещей. Видеоряд сопровождался рассказами о том, как можно чувствовать себя прекрасно, владея всего сотней предметов. К этим лайфхакам проявили огромный интерес неудовлетворенные жизнью люди, так что эксперты-минималисты получали щедрые денежные пожертвования или же с успехом продавали свои книги. Самым главным человеком в этом мире была Мари Кондо, японская гуру в области очищения жилья: ее книги издавались миллионными тиражами, их буквально сметали с полок магазинов по всей Америке. Главной заповедью «кондоизма» был призыв отказаться от всего, что не вызывает «искры радости» — выражение, которое вскоре стало всеобщепотребимым.

То, что блогеры называли минимализмом, оказалось чем-то вроде просветленной простоты, сочетания некоего морального послания с крайне аскетичным визуальным стилем. Подобный стиль можно встретить прежде всего в Instagram или Pinterest (Андерсен даже завела в этих соцсетях #минималистскую доску), потому что здесь легко собирать мотивирующие артефакты — и, что важно, не материальные, а цифровые. Так стали вырисовываться важнейшие элементы минималистской образности: чистая белая плитка «кабанчик», мебель в стиле скандинавского модерна середины XX века и одежда из органических тканей, произведенная брендами, которые обещают, что больше вам ничего не надо будет покупать. Рядом с изображениями товаров появлялись монохромные мемы, гласившие: «Меньше вещей. Больше смысла» и «Чем больше выбросишь, тем больше найдешь». На самом деле

тренд не был таким изысканным, как предполагало его название. С минимализмом можно было отождествлять себя, он был способом справиться с хаосом.

Андерсен покупала книги о минимализме и слушала подкасты о нем. В своем доме она очистила все стены и плоскости, выбрала мебель из светлой сосны — комнаты стали сверкать на солнце. Они с мужем перестали покупать новые вещи и вскоре смогли закрыть старые счета и выплатить кредит, который Шейн брал на обучение. Все это невероятно освежило их духовно и физически. Андерсен почувствовала огромное облегчение, которое, впрочем, было связано не только с избавлением от хлама: минимализм принес ей уважение друзей. На Рождество начальник подарил ей елочные украшения и в шутку сказал, что не позволяет продавать этот подарок на eBay, но Сонриза все равно собирается это сделать: минимализм требует дисциплины. Целый год она раздумывала, стоит ли тратить 20 долларов на стеклянную кружку, с которой можно ходить в кофейни. (В конце концов решила потратить и поняла, что это был правильный шаг.) Она чувствовала, что чары консюмеризма ослабели. «Ты не обязан нуждаться в вещах, — сказала она мне. — Это фраза для медитации, почти что мантра».

Андерсен понимает, что причиной ее «вещизма» были не только детские травмы. Проблема гораздо шире: что-то пошло не так с великой американской мечтой о материальном воплощении успеха.

Я встретился с Андерсен в 2017 году в Цинциннати, где мы оба слушали лекцию о минимализме, сидя на складных стульях, расставленных на липком полу концертного зала. Сонриза была полна решимости и выглядела уверенной в себе женщиной, хотя и слегка застенчивой (результат пережитых испытаний и борьбы, через которые она прошла). В ее поведении не было ничего вызывающего. Она выглядела прямой противоположностью двум мужчинам в возрасте чуть за

тридцать, которых мы слушали: это была пара восторженных блогеров — Джошуа Филдс Мильберн и Райан Никодемус, которые в 2010 году назвали себя минималистами. Они занимались маркетинговыми технологиями в больших корпорациях и получали шестизначную зарплату, но затем погрязли в долгах и, устав бороться с зависимостью от вещей, решили провести перезагрузку и стать блогерами.

Минималисты сами издавали свои книги, а их подкасты слушали миллионы людей. В 2016 году снятый ими документальный фильм о минимализме в США начал показывать Netflix. Это был переломный момент, большинство поклонников Джошуа и Райана, с которыми я говорил, называли просмотр фильма главной причиной своего обращения в минималистскую веру.

Выступление одетых в черное Мильберна и Никодемуса было частью их тура под названием «Теперь меньше». Они собирали в театрах и концертных залах по всей стране сотни людей, жаждавших услышать их послание: «Самые важные вещи в жизни — это вообще не вещи», и тем вечером Мильберн произнес эти слова со сцены. В зале сидели парочки, семьи с детьми и люди, пришедшие одни. Среди последних были женщины, которые хотели, чтобы их мужья чаще убрали дом, продавцы, сожалевшие о том, что им приходится продавать людям ненужные вещи, и писатели, собиравшиеся запускать собственные минималистские блоги. Все собравшиеся в тот день в зале в свое время познакомились в группах на Facebook, где они обменивались советами по проведению идеальной уборки, а в комментариях критиковали содержимое чужих платяных шкафов или же просто искали эмоциональной поддержки («Как сделать, чтобы люди перестали возмущаться из-за того, что я выбрасываю вещи?»).

Их всех сближала та самая тоска, которую ощущала Андерсен. Они думали, что раз постоянные покупки не обеспечили им комфорт и стабильность, а, наоборот,

стали источником стресса, то, может быть, противоположное поведение принесет им счастье. Значит, надо приготовить мусорные мешки.

В то время я уже тщательно следил за развитием минималистского движения, его идеи даже повлияли на мой журналистский стиль, но его мощная жизненная сила не переставала поражать меня. Это была совершенно новая форма социального поведения, позаимствовавшая свое название у авангардного художественного движения, которое расцвело в 1960-е годы в Нью-Йорке. Как это случилось? В изобразительном искусстве минимализм не был мейнстримом (во всяком случае он никогда не достигал уровня поп-арта Энди Уорхола) и в течение последующих 50 лет так и не был по-настоящему понят.

Но вот я стал свидетелем того, как в Цинциннати собрались жители пригородов, в том числе и пенсионеры, чтобы обсудить, каким образом каждый из них пришел к минимализму.

Мильберн и Никодемус рассказали мне, что у них есть последователи даже в Индии и Японии. После лекции по залу зазмеилась очередь: люди с книгами Мильберна и Никодемуса в руках хотели, чтобы гуру поставили на них автографы.

Минималисты подписывали книги, но советовали своим фанатам после прочтения отдать их, а не складывать на полках. Минимизации нет предела: как говорится, «чем меньше — тем больше».

Правда, не совсем понятно, каким образом меньше превращается в больше. То, как свести количество вещей к минимуму, более или менее ясно: вы отбраковываете, выбрасываете, проводите осознанный отбор. А что потом? Может ли образовавшееся пустое место занять что-то принципиально иное? Или же, когда мы достигаем состояния «меньшего», на нас снисходит некая благодать, настолько совершенная, что к ней уже ничего не надо добавлять?

В течение следующих двух лет я повсюду сталкивался с минимализмом — в дизайне отелей, в оформлении модных брендов, в книгах по самосовершенствованию. Но затем я снова связался с Андерсен и узнал, что она вышла из своей группы на Facebook и перестала слушать еженедельный подкаст минималистов. Нет, Сонриза не разочаровалась в минимализме, он просто стал естественной частью ее жизни, основой подхода к окружающему миру. Андерсен заметила, что для многих минимализм был скорее модой, чем образом жизни: по ее словам, как правило, людям больше нравится обсуждать минимализм, чем на самом деле все минимизировать.

С одной стороны, мы видим фасад минимализма. Он как бренд, как внешний вид. С другой стороны, в основе минимализма лежит ощущение неудовлетворенности, порожденное обществом, где обычно считают, что больше — это всегда лучше. Любая реклама предполагает, что вы должны быть недовольны тем, что у вас уже есть. Андерсен понадобилось много времени для осознания простой истины: «В нашей жизни вообще-то не было ничего неправильного».

I-2

Начиная работать над этой книгой, я, в отличие от Андерсен, не считал себя минималистом. Если меня спрашивали, не разделяю ли я их взгляды, то я терялся. Я не думаю, что минимализм — это плохо. Большинство людей, живущих в XXI веке в США, не нуждаются во многом из того, что им принадлежит. В средней американской семье более 30 000 предметов. Американцы покупают 40% всех производимых в мире игрушек, хотя количество детей в стране составляет только 3% от всех детей на планете. Каждый из нас покупает в среднем более 60 новых предметов одежды в год, а затем выбрасывает за этот же период примерно 31,7 кг старой одежды. При всем этом большая часть американцев (около 80%) в той или иной форме выплачивает долги. Мы страдаем от накопительской зависимости.

Минималистский образ жизни представляется мне ответственным отношением к миру — особенно теперь, когда мы осознали, что рост материалистических настроений, начавшийся вместе с промышленной революцией, в буквальном смысле разрушает нашу планету. Из-за того, что людям так нравятся излишества, мелеют реки, погибают животные, а посреди океана разрастаются целые острова из мусора. Нам, безусловно, следует задумываться, покупая новые вещи: действительно ли они нужны нам? Потому что при

отсутствии жизненной необходимости эти предметы в долгосрочной перспективе сделают жизнь каждого из нас только хуже. Но все же для меня неприемлемы некоторые аспекты минимализма — как, впрочем, и любого «ярлыка». Интуиция говорит мне, что идеи Мари Кондо и минималистов как-то слишком удобны: надо всего лишь разобрать вещи в доме или прослушать подкаст — и вам гарантированы счастье, удовлетворение и спокойствие духа.

Это претендующее на универсальность решение настолько расплывчато, что его можно применить к кому и к чему угодно. Вы можете использовать метод Кондо, очищая свой шкаф, свою страницу на Facebook или выстраивая отношения с любимым человеком. Кроме того, минималистский тренд кажется мне проявлением индивидуализма, он позволяет поставить себя, что называется, в центр Вселенной и принять решение: *«Я не буду иметь ничего общего с этим человеком, местом или вещью, потому что они не соответствуют моему мировоззрению»*.

На экономическом уровне это — призыв жить в зоне комфорта, не стремиться к большему, довольствоваться рамками своих средств, в том числе и материальных, не гоняться за мечтами, порожденными воображением, не совершать прыжок в неизвестность. Такая перспектива меня не слишком вдохновляет.

Как пишет архитектор Пьер Витторио Аурели, установка «меньше — это больше» может стать формой капиталистической эксплуатации, которая будет подталкивать работников к тому, чтобы производить больше, а получать при этом меньше и тем самым обеспечивать своим боссам большую прибыль ценой ухудшения качества собственной жизни.

Минимализм не всегда является добровольным личным выбором человека: для многих он становится неизбежным, потому что входит в их жизнь как всеобщая общественная и культурная тенденция, возникшая в ответ на образ

жизни людей последних десятилетий. В течение всего XX века материальное накопительство и стабильность резонно воспринимались как признаки безопасной жизни. Если человек становился хозяином собственного дома и земли, то никто не мог их у него отобрать. Если он всю жизнь работал в одной компании, то получал уверенность в завтрашнем дне, ведь в случае экономической нестабильности можно было надеяться, что работодатель его защитит. Сегодня все это неактуально. Ежегодно возрастает количество фрилансеров, которые вообще не получают постоянной зарплаты. Там, где ситуация на рынке труда хорошая, цены на недвижимость оставляют желать лучшего. Экономическое неравенство достигло небывалых масштабов и ощущается сильнее, чем когда-либо за всю современную историю. И, что характерно, самое большое богатство люди сегодня получают не благодаря накоплению материальных предметов, а с помощью невидимого капитала, вложенного в стартапы, в акции, в банковские счета в офшорах, которые помогают им уклоняться от налогов. Французский экономист Тома Пикетти подчеркивает, что ценность нематериальной собственности в наши дни возрастает намного быстрее, чем уровень зарплат. И это в том случае, если вам повезло и вы получаете зарплату. А между тем экономические кризисы следуют один за другим, гарантией безопасности стала мобильность, и это еще одна причина, по которой уменьшение собственности становится все более привлекательным трендом.

Минималистский взгляд на мир прежде всего противостоит тому, что все аспекты жизни стали превращаться в товар. Для многих людей, как для Сонризы Андерсен, оплата кредитными картами ненужных вещей на Amazon стала быстрым и легким способом получить хоть какое-то ощущение контроля над ненадежным миром. Компании продают свои машины, телевизоры, смартфоны и другие

продукты (часто в кредит, что значительно увеличивает их стоимость), убеждая нас, что эти покупки помогут решить все наши проблемы. Книжки, подкасты и дизайнерские предметы превратили в товар даже самую идею минимализма.

Так что если я и минималист, то по умолчанию. У меня, как у человека, выросшего в пригороде, а затем уехавшего оттуда, сложилось противоречивое отношение к накоплению. В моем детстве (а оно прошло в сельской местности в Коннектикуте) домашний хлам постоянно создавал проблему — и это несмотря на то, что мы жили в трехэтажном, хорошо обставленном доме с гаражом на две машины.

Не забуду, как мои родители спорили о том, где складывать кипы бумаг, книг и кучи электроприборов. Прекрасно помню и эти места: на проигрывателе в гостиной, на лестнице, которая вела в спальню, на кухонном столике рядом с телефоном. Тогда я не думал, что в засильи хлама виноваты мы: оно больше было похоже на вмешательство стихии, на прилив и отлив, после которых повсюду оставались разбросанные обломки вещей. Задним числом я понимаю, что, скорее всего, во многом причиной захламленности нашего дома были мы с младшим братом.

Мои первые ассоциации с понятием «минимализм» были порождены не миром материальных благ, а искусством. Этот Минимализм с большой буквы М отличается от тех идей и товаров, которые сегодня называют минималистскими. Впервые я познакомился с минималистским искусством в старших классах и потом самостоятельно изучал его в библиотеках. Меня притягивали гладкие яркие поверхности произведений искусства середины XX века: металлические скульптуры Дональда Джадда, флуоресцентные лампы, установленные Дэном Флавином на стенах галереи, и умиротворяющие разграфленные линиями холсты Агнес Мартин. Эта же суровая эстетика существовала и в архитектуре — в жестких ребрах и воздушных пространствах

зданий в стиле Баухаус*, которые так сильно отличались от дома моего детства, обитого деревянным сайдингом и устланного коврами. Минимализм предлагал неожиданный взгляд на мир и новый способ существования в нем. Этот способ не сводился просто к жизни с малым количеством вещей.

Позже минимализм стал моей жизнью. В 2008 году, когда разразился финансовый кризис, я учился в колледже. Мне еще не надо было искать работу, но я видел, как экономическая ситуация круто изменила планы моих одноклассников. Зная, что работы им не найти, они отложили начало трудовой деятельности, поступили в магистратуру и стали получать стипендию. Мой выпуск был в 2010 году, и до последнего момента я не представлял, где буду работать: вакансий нигде не было. К счастью, мне удалось получить оплачиваемую практику в журнале об изобразительном искусстве, который издавался в Пекине. Я собрал два чемодана и отправился в Китай. Жил я в здании, которое когда-то было общежитием для рабочих-коммунистов. Мой американский друг, не сумевший найти работу дома, в конце концов приехал ко мне и спал в моей гостиной. Потом мне предложили работу в Нью-Йорке: сайт, публиковавший материалы об искусстве, приглашал меня на должность штатного корреспондента и обещал платить 2000 долларов в месяц наличными в конверте. Я снова собрал чемоданы. В течение всего третьего десятка своей жизни я снимал комнаты на правах субаренды или жил в перенаселенных многоквартирных квартирах в Бруклине. Я покупал в ИКЕА недолговечную мебель и владел вещами, которые легко было перевозить

* Высшая школа строительства и художественного конструирования, или Staatliches Bauhaus, — учебное заведение, существовавшее в Германии с 1919 по 1933 год, а также художественное объединение, возникшее в рамках этого заведения, и соответствующее направление в архитектуре.

с места на место. Каждое новое жилье я обставлял словно номер в отеле, откуда вскоре придется спешно выезжать.

Когда я работал над этой книгой, я жил в квартире, где мог, не вставая с места, посмотреть вокруг и пересчитать все свои вещи. Ни диван, ни кровать, ни телевизор, ни игровая приставка, ни обеденный стол таковыми не являлись: они принадлежали моему соседу. Моей собственностью были письменный стол и книжная полка, на которой лежала большая часть важных для меня вещей: книги, бумаги, несколько произведений искусства. Если вы недостаточно богаты и недостаточно креативны, чтобы обеспечить себе «просторную» жизнь, то для вас в Нью-Йорке остаются только два варианта: либо поселиться в крошечной квартире и забить ее вещами доверху так, что в конце концов в ней будет невыносимо находиться, либо жить как минималист. Если у вас нет ни подвала, ни лишних шкафов, ни свободных комнат, чтобы сложить туда вещи, приходится «кондоировать».

Рецессия, помимо всего прочего, открыла множество новых возможностей для минимализма. Экономика застыла, и в результате этого возникла эстетика необходимого. Стало модно заниматься шопингом на барахолках. Стиль сельской простоты стал крутым: доказательством этого может служить журнал о моде *Kinfolk*, основанный в Портленде, штат Орегон, как раз во время кризиса. Его статьи совершенно ясно (может быть, слишком ясно) демонстрировали: не нужно слишком много денег для пикника с друзьями, нарядившимися в самостоятельно сшитые деревенские одежды. Бруклин наводнили бородатые псевдодровосеки, пившие из стеклянных банок с завинчивающимися крышками. На фоне этой эстетики показное потребление предыдущих десятилетий казалось не только омерзительным, но и недостижимым. Это хипстерство псевдосиних воротничков подготовило почву для популярности глянцевого потребительского минима-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru